

Посвящается Питеру

1

1964 год

Во всех несостоявшихся отношениях есть момент, на который сперва никто не обращает внимания, но задним числом становится ясно, что именно с него начался разлад. Для Хелен таким моментом стали те выходные, когда в Уэстбери-Парке появился Неизвестный.

Это была пятница. Она готовила кабинет арт-терапии для своей любимой группы — мужчин-алкоголиков, — как вдруг в дверном проеме показалось лицо Гила. Убедившись, что Хелен одна, он вошел, сел на край стола и принялся наблюдать за тем, как она раскладывает бумагу, карандаши, угольные карандаши и краски. Мольберты стояли полукругом перед натюрмортом: плетеное кресло, задрапированное бархатной тканью, рядом столик, на нем — ваза с тюльпанами, кувшин молока и миска с яйцами. Двери в небольшие боковые комнаты, где располагались пациенты, предпочитавшие уединение, были приоткрыты. Перед тем как заговорить, Гил бросил в их сторону вопросительный взгляд, и Хелен ободряюще кивнула.

- Кэт с детьми уезжают на выходные в Дил.
— Неужели? — Она привыкла не питать раньше времени ложных надежд к подобного рода оптимистичным заявлениям.

Гил кивнул:

- Ее крестница только что родила, и завтра она поедет к ней, чтобы... Ну, знаешь, чем обычно занимаются женщины в таких случаях. Так что...

Он смотрел на нее тем прожигающим взглядом, каким бессознательно одаривал не только женщин всех возрастов, в том числе своих пациенток, но зачастую и пациентов. Работая с Гилом, Хелен давно заметила эту особенность, но ей нравилось думать, что его взгляд становится более интенсивным, когда направлен на нее.

— Можешь переночевать у меня, — предложила она. Несмотря на то, что они уже три года были любовниками и он подыскал ей квартиру и даже оплачивал аренду, имея в виду как раз такую возможность, воспользоваться ею им удалось всего-то с полдюжины раз.

— Только если ты не против.

— Пожалуй, нет. Если пообещаешь не слишком мне досаждать.

Их голоса разносились по всему кабинету, но Хелен продолжала спокойно раскладывать материалы для предстоящего занятия. Войди сейчас кто-нибудь в комнату, он не смог бы уличить их в нарушении профессиональной этики. На заре отношений, когда из-за страсти они вели себя более безрассудно, художественная мастерская и прилегающие к ней помещения часто использовались не по назначению. Сейчас они проявляли гораздо больше осторожности,

а может быть, страсть притупилась. Никто из коллег, от главврача до санитаров, даже не подозревал об их связи, и даже если Хелен случалось в присутствии Гила покраснеть или улыбнуться не как обычно, никто не удивлялся — все знали, как его обаяние действует на женщин.

— Тогда я приеду завтра после обеда. Машину берет Кэт, так что мне, полагаю, придется идти пешком.

Это были мысли вслух, а не просьба подвезти. У Хелен не было машины — только подержанный скутер, на котором она каждый день преодолевала четыре мили от дома в Южном Кройдоне, где снимала квартиру, до Уэстбери-Парка.

— Хорошо, тогда я приготовлю что-нибудь вкусненькое. А сейчас тебе лучше уйти — через пару минут появятся пациенты.

Гил кивнул и провел рукой по густым и темным, лишь слегка тронутым сединой волосам. Благодаря то ли игре природы, то ли привычке регулярно посещать парикмахерскую, они всегда были одной и той же небрежной длины — чуть ниже воротника, — но никогда не длиннее или неожиданно короче.

— Люблю тебя, — шепнул он и вышел. Звук шагов гулко отдавался по длинному коридору.

Хелен настроила радио на третью программу Би-би-си. Тихая классическая музыка, умиротворяющая, а не будоражащая, идеально годилась для создания атмосферы спокойствия и сосредоточенности.

Кабинет арт-терапии был самым уютным во всей клинике из-за приятных мелочей, добавленных Хелен. Под потолком слегка покачивались пестрые декоративные подвески; стены, помимо репродукций

с полотен великих художников, украшали картины бывших и нынешних пациентов Уэстбери-Парка, повсюду были расставлены вазы с сухоцветами, на диванах лежали подушки с разноцветными принтами. Здесь царили гармония и порядок, и в том была ее заслуга.

Хелен надела белый халат, такой же как у других врачей, разве что запачканный краской и угольной пылью. Алкоголики вошли в кабинет стайкой — как всегда, — чтобы не сталкиваться с искусством в одиночку. Ее пациенты совершенно не умели рисовать, ни карандашом, ни красками, и что-то подсказывало Хелен, что изначально они записывались на занятия в надежде поглязеть на голую натурщицу. Кувшин молока и яйца, конечно, служили тому плохой заменой, зато позволяли хоть на время отвлечься от коварного омута собственных мыслей. Это была чуть ли не единственная отдушина в многочасовой групповой психотерапии, что наряду с инъекциями дисульфирама составляло основу лечения. В художественной мастерской не заставляли размышлять о природе зависимости и рассказывать обо всех неувзгодах, приведших их на дно. Вместо этого пациенты, не скучаясь на похвалу, добродушно смеялись над неуклюжими потугами — как других, так и собственными, — изобразить нечто похожее на предложенную натуру.

Задача Хелен, как ей четко объяснили на собеседовании, заключалась в том, чтобы предоставить пациентам материалы и пространство для творчества, поощряя в них свободу самовыражения. Получать, ставить диагнозы, заниматься психоанализом и вторгаться в работу профессионалов с ме-

дицинским образованием, таких как Гил, строго запрещалось. Но в этот день ей с трудом удавалось сосредоточиться на своих обязанностях, даже таких простых, — из головы не шли предстоящие выходные. Хелен не сказала Гилу об одном обстоятельстве, которое могло поставить под вопрос их совместные планы.

Три недели назад Клайв, брат Хелен, и его жена пригласили ее на субботний семейный ужин, и она согласилась. Их дочери исполнялось 16 лет, и Хелен отметила эту важную дату в своем ежедневнике, хотя помнила ее и так. Она обожала Лорейн, свою племянницу, — нескладную и неуверенную в себе девочку-подростка — да и Клайва в принципе тоже. Правда, его жену Джун она скорее терпела. Клайв позвонил ей в начале недели, проявив не свойственную ему заботу, и предложил добраться вместе с родителями, которые могли бы забрать ее по дороге. Хелен отказалась — отец отвратительно водил машину и постоянно злился за рулем (и не только), — но пообещала приехать. Теперь ей предстояло как-то выкручиваться. Вот так всегда: Гил сообщает о своих планах в последнюю минуту, а она якобы всегда свободна! Придется оказаться больной, причем очень серьезно, — какие еще могут быть оправдания?

От одной мысли о неизбежном вранье у нее закрутило в животе и к горлу подступила тошнота — эти неприятные ощущения постоянно сопровождали ее в размышлениях о моральных дилеммах. Может быть, когда она доберется до телефона и сделает необходимый звонок, ей уже будет так плохо, что и врать не придется. Второй вариант — следовать первоначальной договоренности и отказаться от воз-

можности приятно провести время с Гилом — даже не приходил ей в голову.

Хелен отвлеклась от беспокойных мыслей, когда Роланд, один из самых старательных пациентов, жестом подозвал ее к себе. Он приступил к наброску, забыв обдумать композицию: вазу, кувшин и миску нужно было расположить на разных планах, как они стояли на столе, а на его рисунке те же объекты, изображенные строго в ряд на одинаковом расстоянии друг от друга, как будто повисли в воздухе. Яйца, крошечные сплющенные камешки, свободно парили над перевернутым полукругом — двухмерной миской. Так мог нарисовать шестилетний ребенок, вот только Роланд резал в мастерской металл на токарном станке, умел починить любой двигатель и с легкостью выступал на пианино в пабе любую мелодию.

— Ни капли не похоже! — воскликнул он, качая головой. — Почему у меня ничего не выходит?

— По-моему, у вас отлично получается, — заверила его Хелен. — В искусстве нет понятий “правильно” и “неправильно”.

— Но я хочу с этим разобраться! Иначе зачем я здесь?

На секунду Хелен показалось, будто речь идет не о рисунке, а о зависимости. Если бы Роланд вылечился, вряд ли его волновало бы, справляется ли он с рисованием тюльпанов и кувшинов молока.

— Если вам труднодается композиция, попробуйте сосредоточиться на изображении одного объекта.

— Можно мне начать сначала?

— Конечно! — ответила она, быстро сняв рисунок с мольберта, прежде чем Роланд успел его скомкать. — Только давайте и этот оставим, я положу его в вашу папку.

Хелен скрупулезно собирала работы своих пациентов и хранила их даже после выписки. Таким образом она не только выказывала уважение к их страданиям, но и имела при себе доказательства ценности терапии. Наставник в клинике, где она работала на добровольных началах, часто повторял: “Пациенты не обязаны создавать произведения искусства, не надо делать из них художников. Им нужно сосредоточиться на выздоровлении. В этом им помогает сам творческий процесс — живопись или лепка. Из чего не следует, что результаты их труда не достойны уважения”. К слову сказать, Гил впервые обратил внимание на Хелен, когда три года назад она, только недавно получившая место в Уэстбери-Парке, с жаром отстаивала эту позицию в споре. Хелен была в таком восторге от новой работы, что подолгу задерживалась после смены: отмывала кисти и палитры, точила карандаши, протирала столы, приводила в порядок кабинет, готовя его к следующему дню. Однажды вечером она сполоснула кружку от остатков кофе и решила отнести ее в комнату, расположенную в дальнем крыле, где сотрудники могли между сменами приготовить себе чашку кофе или чая или сыграть в карты. Открыв дверь, она увидела трех санитарок, занятых плетением коврика.

Они пришли до начала вечерней смены и наслаждались последними драгоценными минутами отдыха, перед тем как разойтись по палатам. Когда Хелен вошла, санитарки мельком взглянули на нее, по внешнему виду определили, что она не врач, а значит, не стоит и секунды потраченного на приветствие времени, молча отвернулись и продолжили болтать между собой.

Хелен на мгновение улыбнулась: ее позабавил тот факт, что персонал клиники выбрал для расслабления один из самых популярных видов трудотерапии. Как это трогательно, все-таки все мы люди... Умиление вмиг улетучилось, когда она вдруг поняла, что санитарки не плетут, а наоборот, расплетают ковер, выдергивая пряди шерсти металлическими крючками и бросая их в пакет на полу.

— Что вы делаете? — спросила Хелен, не скрывая в голосе негодования.

Троица синхронно вздернула головы. Крепкого телосложения женщина с туго завитыми кудрями ответила за всех:

— Расплетаем этот дурацкий коврик, чтобы завтра его заново сплели.

Две другие беззлобно рассмеялись, но Хелен все равно покоробило:

— Но почему?!

Хелен обещала себе не высовываться. Ей, новенькой, было важно вписаться в коллектив, завести друзей и всеми силами избегать конфликтов. И вот она сама его создает.

— На них шерсти не напасешься! И потом — куда нам все эти поделки девать? Бросьте, им все равно.

Хелен не нужно было уточнять, кому это “им”.

— Кто вам дал такое распоряжение?

— Да мы всегда так делаем, — ответила вторая санитарка, но уже не так уверенно. — Только шерсть зря переводят.

— Ясно. — Хелен вздохнула. В неписаной, но неизменной больничной иерархии санитарки стояли ниже ее, поэтому глупо было ругать их за то, что они делают свою работу. Этот вопрос нужно решать

на уровне выше. — Можно, я заберу? — спросила она, указав на пакет с клочками шерсти. — Верну, обещаю.

Троица кивнула, насмешливо улыбаясь. Хелен знала, что, стоит ей выйти, и санитарки тут же начнут перемывать ей кости.

Бродя по коридорам и раздумывая, с кем бы поделиться своим разочарованием, Хелен набрела на кабинет доктора Раддена. На тот момент их еще не представили друг другу официально, но она видела его на собрании персонала — вместе с главврачом, психотерапевтами, соцработниками, медсестрами, трудо- и физиотерапевтами. Доктор Радден привлек ее внимание, потому что оказался самым симпатичным мужчиной в комнате — не то чтобы в области медицины существовала в этом отношении острая конкуренция, — хотя большую часть времени он сидел с опущенной головой, записывая что-то в блокноте или рисуя на полях.

Хелен собрала волю в кулак и постучалась: робеть уже поздно, нужно довести дело до конца. За дверью раздался голос: “Войдите”.

Доктор Радден сидел за столом в углу кабинета спиной к стене и вполоборота к высоким окнам, за которыми виднелись зеленые лужайки и бродившие по ним в лучах закатного солнца пациенты. В переполненной пепельнице тлела сигарета; струйка дыма вилась вверх и вливалась в целое облако под потолком. На стене висела репродукция “Спящей Титании” Ричарда Дадда — Хелен сразу узнала эту картину и в других обстоятельствах не упустила бы возможности высказаться по этому поводу.

Доктор снял ногу с подоконника и встал.

— Здравствуйте? — слегка удивленно сказал он и радушно улыбнулся.

— Меня зовут Хелен Хансфорд.

— Рад знакомству, Хелен Хансфорд. Вы новый арт-терапевт, верно? Чем я могу вам помочь?

Приятный, успокаивающий голос — но Хелен не хотела успокаиваться, по крайней мере пока.

— Честно признаться, я немного в ярости, — сказала она, демонстрируя пакет с шерстью. — Я увидела, как санитарки расплетают ковер, сделанный пациентами на трудотерапии, чтобы завтра они заново его сплели. Вам что-нибудь об этом известно? — спросила она и положила пакет на середину обитого кожей стола, не обремененного никакими рабочими документами.

— Вас это оскорбило? — поинтересовался доктор вместо ответа на вопрос.

— Вы знаете, да, меня оскорбляет проявление неуважения к пациентам. Это открытое пренебрежение к их усилиям и очень вредная практика.

Он задумчиво покачал головой:

— Но ведь терапевтический эффект дает процесс, а не лицезрение результата...

— Пациенты все равно должны иметь возможность видеть плоды своего труда и наслаждаться ими!

Движением руки доктор пригласил Хелен присесть, но она отказалась — стоя возмущаться гораздо легче.

— Положим, вы собираете пазл или строите карточный домик. Вы ведь получаете удовлетворение не от того, что создаете нечто долговременное...

— Это разные вещи! — Хелен заметила, что говорит все громче. — Плетение ковров — ремесло,

к тому же в результате получается утилитарная и вполне симпатичная вещь, которую можно, например, постелить в палате.

Доктор смотрел на нее, слегка прищурившись, будто пытался вникнуть в смысл ее слов. Тишина становилась все более тягостной — Хелен не выдержала и продолжила:

— Вы бы видели, с каким наслаждением они раздирали этот несчастный ковер! Ну и кто здесь в здравом уме, а кто сумасшедший, позвольте поинтересоваться!

— Что ж, очень здравая позиция, — заключил доктор Радден. — Впрочем, мы больше не употребляем слово “сумасшедший”, по крайней мере в отношении пациентов. — Казалось, что он чрезвычайно доволен собой. — Раз уж мне не удалось усадить вас, разрешите мне присесть? Спина разболелась.

— Да, пожалуйста.

Доктор уселся в кресло, не отрывая от нее взгляда.

— Вы совершенно правы, я с вами полностью согласен.

— И вообще, — снова начала Хелен, не успев осознать, что ее собеседник сдался, и торопясь выдвинуть еще один аргумент: — Хоть кто-нибудь потрудился узнать мнение пациентов?

— Вы все правильно говорите, — повторил он. — Что от меня требуется? Полагаю, шерсти недостаточно?

— Да, санитарки так и сказали. Думаю, они хотели как лучше, — признала Хелен и окончательно потеряла боевой настрой.

— Как всегда, все упирается в деньги, — сказал доктор, вздохнув. — Что-нибудь придумаем. Позвольте, я оставлю это у себя.

- Спасибо... доктор Радден.
- Пожалуйста, зовите меня Гил.

Хелен вышла из кабинета: в ушах стучало, сердце от радости победы билось быстрее. Их уже соединила незримая нить, которая всегда возникает, когда двое впервые замечают друг друга.

Всего неделю спустя Хелен приехала на парковку и увидела, как грузчик вытаскивает из зеленого фургона здоровенные картонные коробки и складывает их возле заднего входа. Она поставила скутер на обычное место и, подойдя к машине, заметила в приоткрытой коробке пузатые пакеты с шерстяной пряжей. Чарли, помощник сторожа, как раз подоспел с тележкой.

— Доставка для доктора Раддена, — пыхтя объявил водитель, вытаскивая из кузова последнюю коробку.

— Ну, и куда тащить все это добро? — поинтересовался Чарли. — Кабинет-то у него небольшой.

— Отнесите в трудотерапию, — сказала Хелен. — Я сообщу доктору.

По утрам он проносился мимо нее на “Форд-Зефире” — по словам ее отца, на таком гоняют одни спекулянты. Не считая этого, после разговора в его кабинете они не виделись. Хелен направилась туда, чтобы сказать ему спасибо. Проходя мимо палаты, она посмотрелась, как в зеркало, в металлический косяк двери и поправила прическу. На стук никто не ответил, поэтому Хелен, расстроившись, побрела в художественную мастерскую.

Он уже стоял там перед “Меланхолией” Дюрера, которую Хелен повесила у себя над столом. Репро-

дукция этой гравюры сначала украшала ее комнату в общежитии колледжа, потом квартиру в Хартфордшире и, наконец, нашла свое место здесь.

Доктор обернулся, услышав, как открылась дверь.

— Тут стало так красиво, с тех пор как вы к нам устроились. — Он признал, что кабинет преобразился исключительно благодаря ей.

— Если нужно проводить целый день в каком-то месте, то лучше, когда там приятно находиться, — ответила Хелен и, прежде чем разговор свернет не в то русло, добавила: — Я хотела зайти к вам, поблагодарить за шерсть. Ее только что привезли. Целую гору! Вы так быстро все организовали.

— Бросьте, — сказал он, пожав плечами, — я тут ни при чем. У меня в частной практике есть парочка клиентов с филантропическими наклонностями. Мне стоило лишь упомянуть о нашей проблеме. Это я должен вас благодарить за то, что вы обратили на нее внимание. Иногда нужен свежий взгляд.

Их глаза на мгновение встретились, однако нерешительный стук в дверь, возвещавший о приходе первой группы пациентов, прервал их уединение.

— То есть психушка? — спросила мать, когда Хелен позвонила и рассказала о новой работе в Уэстбери-Парке. — Боже, Хелен...

Она и не ждала поздравлений: родители были не из тех, кто радуется чужим успехам. Кроме того, мать испытывала отвращение, переходящее в фобию, к любым видам незддоровья. “Не смотри на него, он странный!” — шипела она и тащила Хелен на дру-

гую сторону улицы, чтобы не столкнуться лицом к лицу с бормочущим себе под нос старичком или мальчиком с растягивающими скобами на ногах. Она перестала ходить в церковь, потому что женщина в инвалидной коляске, сидевшая позади нее, порой стонала и тряслась головой, беззвучно бормоча молитву.

— Мам, так уже никто не говорит.

— Да называйте как хотите, от этого психов меньше не станет!

Даже в телефонную трубку было слышно, как ее трясет. Примерно так же она протестовала против поступления Хелен в художественный колледж, где, как ей казалось, собирались одни коммунисты, богема и прочие дегенераты. Мать немного смягчилась, когда Хелен, вроде бы оставшись после его окончания такой же приличной и неиспорченной девушкой, пошла преподавать в гимназию для девочек в Хартфордшире. Эта работа казалась ей приемлемым вариантом — временным, до замужества. Но психушка! Это уже ни в какие ворота!

— Тебе разве не нравилось в школе? Я думала, ты счастлива!

— Так и есть, но сейчас мне хочется попробовать себя в чем-то другом.

— В чем в другом? — Возиться с мужчинами в смирильных рубашках, которые думают, что они Наполеоны!

— Мам, это представления из прошлого века, — ответила Хелен, не сумев сдержать смешок. — Люди болеют, мы стараемся их вылечить, как в любой другой больнице. Зато я перееду в Кройдон, поближе к тебе и Клайву. — Хелен говорила так, будто ей